

Интересно, что к пропаганде этого образа активно подключился кинематограф (от некрореалиста Е. Юфита, «Идиотов» Л. фон Триера и навеянного «Идиотом» Достоевского «Даун Хауса» Р. Качанова, рассчитанных на более-менее подготовленную аудиторию, до предназначенных для широкого зрителя действительно идиотских комедий типа «Тупого и еще тупее»). Этот факт весьма показателен — идиотия действительно становится делом всенародным.

К каким же последствиям это обстоятельство может привести? Вопреки политкорректности, рискну предположить, что постмодернистские игры в маргиналов могут сыграть с человечеством дурную шутку и спровоцировать ситуацию, уже описанную В. Ерофеевым в рассказе «Жизнь с идиотом». Для тех, кто забыл сюжет: интеллигентная супружеская чета, приграв в своем доме идиота Вову, вскоре сама начинает жить по его правилам; в конце рассказа жена теряет жизнь, а муж — рассудок. Вова куда-то уходит. Идиот «метафорический», заигравшись, может трансформироваться в идиота самого что ни на есть настоящего. Игры в маргиналов на наших глазах превращаются в игры маргиналов.

ЛИТЕРАТУРА

Деготь Е. Логика абсурда: от тупости к идиотии // Художественный журнал. 1999. № 26–27.

Мигунов А. С. Предисловие // Маргинальное искусство. М., 1999.

Подмогильная О. А. Границы без объекта // Маргинальное искусство. М., 1999.

Сычев С. Маргинальное кино // Маргинальное искусство. М., 1999. Художественный журнал. М., 1999. № 26/27.

Большая индивидуальность отличает произведения Ю. Новик, благодаря тому что выполнены они в технике масляной живописи. Насыщенные по колориту, интересные композиционно, они между тем представляются излишне театральными. Экспрессия и трагичный надлом некоторых вещей — это лишь эффектный актерский жест. Разумеется, молодых авторов заботит проблема выразительных средств, приемов. Вероятно, смысл, по их представлениям, должен проявиться сам собой. Это искусство хорошо сделанное, когда автор знает, где и как следует нанести последний штрих. Но это искусство в силу своей безэмоциональности может найти отклик только у людей близко знакомых, общающихся в том же кругу, понимающих ситуацию. Живопись для наших авторов — игра, в которой роли заведомо распределены, правила расписаны.

ЕЛЕНА
ВАДИМОВНА
ТУМАКОВА

«МАРГИНАЛЬНЫЕ» НЕОЛОГИЗМЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

В результате влияния современной жизни, культуры, сознания человека на язык происходит возникновение «маргинальных» слов (стилистических неологизмов). Этот процесс носит не аномальный, а вполне закономерный характер, так как он обусловлен самой жизненной ситуацией.

Последние десятилетия нашего времени характеризуются сменой языковых стандартов: меняется не только сам язык, но и пересматриваются требования к речевым нормам. Само слово «норма» устаревает, отмирает, пото-

Совсем иначе выглядят произведения О. Трофимовой. Для нее искусство — способ существования, образ жизни, вне которого она немыслима ни как художник, ни как человек. Невозможно представить О. Трофимову связанной с каким-то другим видом деятельности. Поэтому все, что бы она ни делала, очень индивидуально, выразительно и неповторимо, во всем, за что она берется, есть стиль. Натюр-морт или пейзаж, в котором каждый предмет или растение одухотворены, антропоморфны и живут своей собственной жизнью. Жанровые сцены, которые перерастают за рамки бытовизма. Весь окружающий мир как будто пронизан некой невидимой таинственной силой, придающей действительности особый трепетный оттенок. Реальность преломляется в чарующее, завораживающее видение. Способность замечать в самых обыденных вещах необычные свойства и качества, таящуюся в них скрытую красоту — естественная, органичная черта творчества Ольги. В этом нет ничего намеренного, в этом нет позы. Когда-то подобный взгляд на мир был свойствен всем художникам, но теперь, в пафосе дизайнерского преобразования окружающего пространства, многие перестали прислушиваться к своему внутреннему состоянию. Кажется, только женщины-художники пока еще оставили за собой это право.

Т. И. Борко

му что его лексическое значение («узаконенное установление, признанный обязательным порядок, состояние; образец, правило» [Лопатин, Лопатина 1994:352]) не соответствует ценностям современной жизни, в которой нет ни образцов, ни правил, ни одной раз и навсегда установленной точки зрения. Все в мире зыбко, невечно, в любой момент может кардинально измениться, каждый имеет право на свое мнение (пусть даже оно является заведомо ложным). Современное сознание предполагает вариативность и отменяет незыблемость всего сущего:

Я перед глазами, как пациент
у врача глазного, машу рукой:
в полдень выступал один президент,
в полночь выступает совсем другой...
(М. Поздняев.
«Стансы миллениуму»)

Отсутствие единой оси, насыщенность окружающего мира множеством смыслов проявляются даже в самых обыденных вещах: современный человек, как правило, имеет сейчас несколько высших образований, занят на нескольких работах, владеет несколькими языками и т. п. Даже всем известные люди, «звезды» шоу-бизнеса выступают в нескольких амплуа: М. Галкин — юморист, телеведущий, певец; А. Макаревич — певец, телеведущий, кулинар; А. Курникова — теннисистка и модель, А. Цикало — певец, актер, телеведущий, Д. Певцов — актер и телеведущий и т. д. Этот список, пожалуй, можно продолжать до бесконечности. Занятость людей сразу в нескольких профессиональных отраслях отнюдь не объясняется недостатком средств к существованию, причина здесь в другом — в многомерности, вариативности сознания современного человека.

Глобальная переоценка ценностей, ставшая одной из самых значительных примет нашего времени, привела к тому, что пустые, несущественные вещи и предметы стали восприниматься как нечто особо ценное, требующее к себе повышенного интереса: «Мелочи чувствуют право присваивать большие смыслы, поскольку последние им не сопротивляются. <...> Пустяк равновелик вселенной. Видеоролик: с сумасшедшей скоростью летит космический корабль, проходит некое страшное гравитационное завихрение, чтобы настичь сверхцель — молочный батончик» [Чердниченко 2002:153]. Процесс придания незначи-

тельной, обыденной вещи *особого* смысла начался в европейском искусстве еще в начале XX столетия: в 1912 г. Марсель Дюшан возвел в ранг «готовых» произведений искусства предметы ширпотреба. Так, подставка для сушки бутылок,

Парадоксы маргинальности

купленная в скобяной лавке, была выставлена в качестве экспоната [Лесли 1997:45]. Обыденность становится искусством, а искусство служит обыденности. Цитаты из классической литературы используются в рекламе (на московской выставке, которая состоялась в январе 2002 г., были представлены такие рекламные проекты), а сама литература *переписывается* заново (ср.: Федор Михайлов «Идиот», Иван Сергеев «Отцы и дети» и др.). В обстановке интереса к малому, незначительному, периферийному всеобщим вниманием пользуются обычные, заурядные люди. Великие личности уже никого не интересуют, их время прошло. На пике славы сейчас истории людей, которые живут среди нас, рядом с нами. Доказательством этого служит необычайная популярность таких телешоу, как «Моя семья», «Окна», «Большой куш». Сюжеты рассказанных в них историй пересказываются, бурно обсуждаются на работе, в школе и дома. Мало того, всеобщим интересом пользуются и вовсе бессюжетные передачи типа «За стеклом», «Русское чудо», «Последний герой», «Гарем», «Фабрика звезд», «Стань звездой» и т. п. (так называемые «реальные шоу»). Очень популярны сейчас и такие программы, как, например, «Скрытая камера». К тому же появилось много передач с прямым эфиром. Таким образом, расширяется круг людей, попадающих на телеэкраны. «В этом проявляется одна из важнейших черт нашего времени — демократизация общения» [Агеенко 1996:25]. Этот процесс, с одной стороны, безусловно, прогрессивный, соответствующий духу нашего времени и сознанию современного человека, имеет свои минусы. Дело в том, что раньше речь дикторов на телевидении была эталоном литературного произношения. Теперь же с экрана прямо-таки «сыплются» англицизмы, жаргонные, сленговые, вульгарные выражения, легализуется сквернословие: «...мат встречается теперь в тех местах, куда раньше ему путь был заказан. Например, в газетах и книгах. В телевизоре то прорывается, то как-то лицемерно и неприлично попискивает» [Кронгауз 2002:138]. Под влиянием процесса демократизации языка разговорные и просторечные слова, находившиеся прежде за пределами литературного языка, посредством телевидения, газет, книг разрушили все границы и перебрались за недозволенную черту. «Раньше на фене *ботал* тот, кому было положено *ботать* (курсив Кронгауза. — Е. Т.). Ну разве что интеллигент мог подпустить что-нибудь эдакое для красного словца. Но это словцо было «красным», то есть резко выделялось на общем фоне. Сейчас же эти слова («разборка», «наезд» и прочее) на устах у всех: профессора, школьника, депутата, бандита... Действительно, жаргон стал всеобщим» [Кронгауз 2002:138]. Такие процессы в языке вызвали к жизни появление лингвистической экологии (А. П. Сковородников, В. П. Григорьев, Ю. Н. Караулов, В. В. Колесов, В. Г. Костомаров, В. К. Журавлев, С. И. Виноградов, Л. П. Крысин и мн. др.). Широко обсуждается эта проблема и в современных средствах массовой информации (В. Горленко, И. Климов, А. Монахов, А. Дмитриев, В. Латынов и др.).

М. Кронгауз сравнивает современный язык с супом (обратим внимание на то, что такое сравнение могло появиться лишь в наше время, когда обыденная вещь приобретает философское значение): «В советское время существовало много разных коллективов и каждый варил в своем котелке свой суп. У кого-то он был повкуснее, у кого-то погорячее... Переходя в другой коллектив, приходилось глотать другой суп. Вот так все мы были тогда полиглотами: с домашними по-домашнему, с молодежью по-молодежному, с партийцами по-партийному, ну а с волками по-волчьи. А сейчас все эти супы и супчики слили в один большой котел, в котором варится общая похлебка. Можно, конечно, жаловаться, но есть приходится борщ с грибами и горохом» [Кронгауз 2002:139].

Таким образом, «маргинальные» слова (разговорные, просторечие, сленг, жаргон) укрепились в сфере литературного языка. И это, скорее, не аномалия, а закономерный результат развития нашего общества и человеческого сознания,

ведь невозможно познавать множественность мира, оперируя ограниченным набором инструментов, невозможно говорить обо всем, пользуясь лишь нормативным языком. Поэтому не нужно пытаться вновь вытолкнуть за пределы литературного языка «маргинальную» лексику, напротив, ее нужно описать и изучить, как сделали, например, такие лингвисты, как О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина, Г. Н. Скляревская, а еще прежде коллектив под руководством Н. З. Котеловой, результатом работы которого стало издание словарей-справочников «Новые слова и значения». Эти материалы, помимо прочих, содержат в себе слова с пометами: в разговорной речи, в просторечии. Ср. например, статьи из сборника «Новые слова и значения...» (НСЗ-70): НАИГРАТЬ (тренируясь, играя, приобрести определенные спортивные качества, опыт, отработать какие-либо приемы игры): *Несколько раз чехословацкие гандболисты проводили наигранную комбинацию с ложной атакой на фланге (Советский спорт. 10.09.1973)*; НАКАТАТЬ (катаясь на чем-либо, преодолеть, покрыть указанное расстояние): *Первая тренировка на льду была проведена в нынешнем сезоне лишь в конце ноября. Заметим, что к этому периоду сильнейшие зарубежные гонщики накатали по две-три сотни километров (Труд. 14.01.1975)*; ПЕРЕОТКРЫТЬ (сделать то же открытие еще раз): *Пусть даже студент переоткрыл известное явление, но зато сам (Комсомольская правда. 20.04.1973)*; ПОДЗАГНУТЬ (рассказывая о чем-либо, преувеличить, немного солгать): *Если бы не его самоуверенность, его бы покритиковали, доказали бы что он подзагнул, и все, но тут ему учинили форменный разгром (Д. Гранин, Однофамилец) и др.* Гораздо больше глаголов с подобными пометами в НСЗ-80: ЗАВОЗРАЖАТЬ (начать возражать), ЗАБИЧЕВАТЬ (начать жить подобно бичу), ЗАТОРЧАТЬ (прийти в состояние крайнего удивления, обалдеть), ЗАСЕМАФОРИТЬ (начать махать вытянутой рукой с целью привлечь внимание), ЗАВСПОМИНАТЬ (начать вспоминать), ДОВОЕВАТЬ (закончить воевать), ДОЗАЯВИТЬ (дополнительно внести кого-либо в заявку), ПЕРЕКАТАТЬ (повторить выступление по фигурному катанию), ПЕРЕПРОПИСАТЬ (прописать кого-либо заново или по новому адресу), ПОДРАССЛАБИТЬСЯ (частично утратить прежнюю волю, энергию, силу духа), СХАМИТЬ (поступить грубо, по-хамски; нахамить) и др. Следует отметить, что некоторые из этих слов носителями языка сейчас практически не осознаются как разговорные или просторечные. Зато таковыми признаются глаголы, описанные в «Толковом словаре русского языка конца XX века» под редакцией Г. Н. Скляревской: ПОТУСОВАТЬСЯ (тусоваться некоторое время), СБАЦАТЬ (исполнить), ЗАТРАХАТЬ (довести до полного изнеможения при половом сношении), ЗАТАРИТЬСЯ (закупить, приобрести в большом количестве), РАЗРЕКЛАМИРОВАТЬ (широко рекламируя, сделать известным что-либо, привлечь внимание к чему-либо) и др.

Приведенные лексемы относятся к «вхождениям», которые определяются как «внутренние и внешние заимствования по временной оси (возрождение, актуализация, узуализация) или (и) локальной (вхождения из диалектов, устной речи, жаргонов, специальных языков, других языков)» и входят в состав неологизмов [Котелова 1983:80]. Новизну подобных слов исследователи считают относительной, потому что многие из них уже существовали в языке, активно употреблялись, а в результате их регистрации в письменных источниках стали известны литературному языку (В. Д. Бояркина, В. П. Берков, В. М. Павлов).

На наш взгляд, образования типа накокаиниться, закумарить и под. (Б. Акунин. Внеклассное чтение) следует называть **стилистическими неологизмами** (или «маргинальными»), так как в данном случае не происходит образования нового слова в чистом виде (эти глаголы, обладая функционально-стилевой закрепленностью, уже активно использовались в определенных языковых сферах), зато наблюдается переход лексемы из четко ограниченной области употребления в лоно литературного языка. Причем в некоторых случаях этот процесс носит кру-

гообразный характер. Например, глагол *редактировать*, относящийся к сфере литературного языка, в результате префиксации (*заредктировать* — подвергнуть чрезмерной редакторской правке) приобретает разговорную окраску. «Изменение экспрессивной окраски слова (появление фамильярного, вульгарного оттенка) налагает ограничения на функционирование его в речи, и потому слова, осложненные подобными аффиксами, нередко оказываются за пределами литературной нормы» [Голуб 2001:201], то есть приобретают маргинальный характер. Однако в результате употребления названного глагола в художественном тексте (Д. Хренков. От сердца к сердцу) и последующего фиксирования его в словаре (НСЗ-80) он вновь возвращается в сферу литературного языка.

Таким образом, современная жизнь, в которой происходит глобальная переоценка всех ценностей, вследствие чего «малое ценностно укрупняется — ось культуры сместилась от аскезы/знания к развлечению/новостям; значит, к необязывающе рентабельным мелким форматам» [Чередниченко 2002:154], актуализирует процесс демократизации языка. «Специфика современной эпохи в жизни русского общества — свобода от ограничений разного рода, разрушение советских стереотипов мышления, отказ от установлений тоталитарного режима — не может не отразиться в языке. Главное, что отличает современный русский язык — это раскованность, раскрепощенность, пришедшая на смену безликости и стандарту» [Земская 1996:90]. Прежде разговорная, просторечная, жаргонная, а нередко и нецензурная лексика «относилась «на границу литературного употребления» и крайне осторожно допускалась в словари нормативной лексики, однако сейчас ее удельный вес в разных жанрах очень велик, нередко она полностью нейтрализуется, утрачивая экспрессию сниженности... а ее социальная база вышла за пределы молодежи и охватывает почти все слои населения» [Скляревская 1998:9-10]. Так в литературном языке появились «маргинальные» слова, иначе говоря, стилистические неологизмы (лексемы, утратившие строгую функционально-стилевую закреплённость и перешедшие в сферу литературного языка).

ЛИТЕРАТУРА

- Агеенко Ф. Л. Русская речь у микрофона // Русская речь. 1996. № 1.
 Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М., 2001.
 Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
 Котелова Н. З. Словообразование без образования слов? // Новые слова и словари новых слов. Л., 1983.
 Кронгауз М. Язык мой — враг мой? // Новый мир. 2002. № 10.
 Лесли Р. Сюрреализм. Мечта о революции. Минск, 1997.
 Скляревская Г. Н. Введение // Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб., 1998.
 Чередниченко Т. Саундтреки // Новый мир. 2002. № 5.

СЛОВАРИ

- Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. М., 1994.
 Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой. М, 1984 (НСЗ-70).
 Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е. А. Левашова. СПб., 1997 (НСЗ-80).
 Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Скляревской. СПб., 1998.